

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

От нефти к инновациям: что нужно Центральной Азии для реального экономического развития?

Камилла ВАЛИЕВА

6 октября 2026, 08:54

Экономики стран Центральной Азии растут высокими темпами, их лидеры гордятся цифрами, но увеличение ВВП не всегда отражается на благосостоянии людей и не помогает им жить лучше. Один из способов сделать этот рост устойчивым и полезным для общества — инновации: от новых способов поливать землю до технологий, которые помогают быстрее выявлять признаки инсульта. Что такое инновационное предпринимательство и есть ли оно в Центральной Азии?

| Чем рост отличается от развития

Представьте человека, который стал зарабатывать больше: раньше на его счет ежемесячно поступало 500 долларов, а теперь — 800. Возможно, он нашел новую работу, может быть, стал производить больше товаров или просто получил деньги из-за границы. Факт один — денег стало больше. Это экономический рост.

А если человек стал получать больше, потому что научился чему-то новому? Это уже экономическое развитие.

С экономикой стран работает та же логика. Она может расти, потому что в этом году удалось продать больше нефти или золота по высокой цене, либо из-за того, что в страну потекли иностранные инвестиции или за счет увеличения потока туристов. Но такой рост ненадежен: цены на сырье меняются, инвестиции могут прекратиться, а мир может накрыть новая пандемия, которая напрочь закроет границы.

По официальным данным, реальный ВВП Казахстана в первом полугодии 2026 года вырос на 4,1%, Кыргызстана — на 11,9%, Узбекистана — на 8,5%.

Однако в августе 2026 года британский Институт Legatum [опубликовал](#) новый Глобальный индекс благополучия — рейтинг, который оценивает не только экономику, но и здравоохранение, образование, безопасность и другие показатели качества жизни. Картина в нем совсем другая: Казахстан занял 66-е место из 161 страны, Кыргызстан — 87-е, Узбекистан — 94-е, Таджикистан — 129-е. То есть по

росту ВВП страны Центральной Азии демонстрируют хорошие цифры, а по реальному благополучию людей — в середине или в самом хвосте мирового рейтинга

↑	RANK	COUNTRIES		
○	66	 Kazakhstan	+	52
○	87	 Kyrgyzstan	+	106
○	94	 Uzbekistan	+	90
○	129	 Tajikistan	+	110
○	1	 Switzerland	+	2
○	2	 Norway	+	1

Web Screenshot

По словам узбекистанского экономиста Юлия Юсупова, цифры ВВП не всегда говорят о том, что люди стали жить лучше.

Юлий Юсупов

«Рост ВВП может быть связан с тем, что вы стали производить больше танков. От того, что вы производите больше танков, уровень жизни людей, естественно, не улучшается. Или в ВВП входят инвестиции, а инвестиции могут быть разного качества — например, государственные, которые просто проваливаются, как в черную дыру, в отрасли, которые потом не дадут никакой отдачи. Но они все равно попадают в ВВП, и ВВП

формально увеличивается», — говорит Юлий Юсупов.

Инвестиции — важная часть экономик Центральной Азии. Но у региона есть и общая черта — заметная роль сырьевого экспорта: нефти, газа, металлов или золота. Такие страны подвержены так называемой «голландской болезни»: большие доходы от экспорта укрепляют национальную валюту, и местным производителям становится сложнее конкурировать с импортом и продавать свою продукцию за рубежом. В итоге несырьевые отрасли просто перестают расти.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Нацфонд на «большую стройку». Зачем Казахстан меняет подход нефтяной копилке

Что такое инновационное предпринимательство

Поэтому важно смотреть не только на то, насколько вырос ВВП, но и на то, за счет чего он вырос. И здесь появляется следующий вопрос: что может создавать новые источники роста? Директор по исследованиям Центра по развитию инноваций и предпринимательства Массачусетского технологического института Шамиль Ибрагимов считает, что один из наиболее эффективных механизмов, который распределяет создаваемое ростом богатство на все общество — инновационное предпринимательство.

Инновация не обязательно означает изобретение мирового масштаба. Иногда это просто новый способ сделать существующую вещь быстрее, дешевле или лучше. Один из известных примеров — американская корпорация Ford, которая внедрила конвейерное производство автомобилей. Это помогло сделать машины массовым товаром, доступным миллионам людей. Или изобретение штрихкода — не товар, а простое решение, которое изменило работу целой розничной отрасли. Оплата QR-кодом, которая сегодня так популярна в Центральной Азии, — из того же ряда.

«Если вы научились делать швейные машинки — а это результат того, что вы сперва заработали на швейном производстве, начали покупать машинки, потом научились их ремонтировать, разобрались, как они устроены, начали сами их собирать и продавать, — это знание позволяет вам уже не просто делать швейные машинки, а добавлять к ним новые функции, подключать компьютер и так далее», — объясняет Шамиль Ибрагимов.

Шамиль Ибрагимов

Это касается даже самых традиционных отраслей. Юлий Юсупов приводит в пример Венесуэлу — страну с крупнейшими в мире запасами нефти, которая при этом находится в глубочайшем экономическом кризисе. Из-за западных санкций Каракас лишился доступа к современным технологиям, без которых страна оказалась не в состоянии полноценно добывать и перерабатывать собственную нефть.

«Нефть там тяжелая, ее трудно добывать, ее трудно перерабатывать (...) Для того, чтобы эту нефть добыть и переработать, нужна инновация, даже в нефтяном секторе. Что касается того, что инновационный сектор — это альтернатива добывающей промышленности более широко, то здесь, понимаете, какой нюанс, она не альтернатива, это суть современной постиндустриальной экономики», — говорит Юсупов.

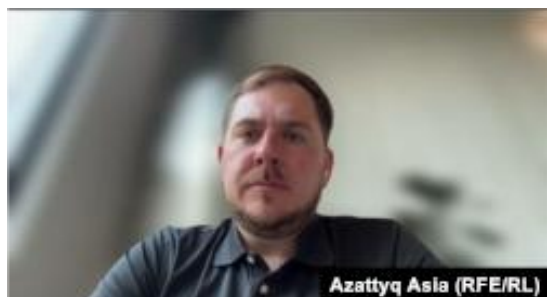

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Трамп: США возьмут под контроль часть нефтяных запасов Венесуэлы

«Игра на десятки миллионов долларов»

В Центральной Азии уже есть примеры создания полноценно новых технологий. О некоторых из них рассказывает венчурный инвестор и CEO казахстанского холдинга MOST Павел Коктышев.

Павел Коктышев

«Это Dolon — компания с инновациями вокруг недропользования, процессов бурения, цифровизации старой экономики. Есть известный многим проект Cerebra — система оперативного распознавания инсульта и, соответственно, модификации лечения. Это один из лучших продуктов в своем сегменте в мире», — говорит Коктышев.

Создатели этих технологий — выходцы из Центральной Азии. Но многие из их компаний базируются в США или других странах Запада: в регионе недостаточно инвестиций, лабораторий и условий для масштабного роста таких проектов.

Похожая история у кыргызстанки Асель Сартбаевой, которая разработала технологию, которая может изменить систему хранения и транспортировки вакцин без строгого соблюдения так называемой «холодовой цепи». Ее компания базируется в Великобритании — назвать проект кыргызским нельзя.

«Это не игра одного-двух миллионов долларов, это игра на десятки миллионов долларов. Потребность Казахстана — это порядка 50 дополнительных миллионов долларов финансирования в год. У Узбекистана — плюс-минус такие же пропорции», — говорит Коктышев.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Энсиликация Асель Сартбаевой. Путь из глубинки Кыргызстана в Королевское научное общество Британии

«Мы никогда не умели коммерциализировать науку»

По словам Шамиля Ибрагимова, на науку и разработки США тратят 3,4% ВВП, Израиль — почти 6%. В Центральной Азии показатели значительно ниже: по [данным](#) исследования Массачусетского технологического института, в Кыргызстане расходы на исследования и разработки составляют 0,08% ВВП, в Казахстане — 0,13%, в Узбекистане — 0,16%.

Разброс внутри региона небольшой — везде средств выделяется одинаково мало. Получается замкнутый круг. Денег на науку мало. А то немногое, что ученые все-таки придумывают, некому превращать в реальный бизнес

«Мы все равно часть бывшего Советского Союза, и у нас всегда была очень хорошая, мощная научная база. Но мы никогда не умели коммерциализировать науку — еще с советских времен, потому что экономика была плановая, централизованная, и единственным потребителем научных исследований было государство, а рынок в этом процессе никак не участвовал. До сих пор у нас нет механизма коммерциализации», — говорит Ибрагимов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Достижения недооцениваются, карьерный рост затруднен». Девушки-ученые — о работе в научной среде

Один из инструментов, который помогает довести идею от разработки до бизнеса, — венчурный капитал. Здесь Казахстан заметно опережает соседей. По данным исследования Массачусетского технологического института, в 2023 году общий объем венчурных сделок в Казахстане составил 80 миллионов долларов, в Кыргызстане — 1,1 миллиона, в Узбекистане — 6,3 миллиона.

Пока в Кыргызстане венчурного рынка почти нет, а в Узбекистане он только формируется, в Казахстане один за другим появляются новые фонды, готовые

вкладываться в рискованные стартапы. Коктышев смотрит на ситуацию в регионе с оптимизмом.

«Инвестиции есть практически во всех странах Центральной Азии. В Таджикистане меня удивляет пропорция: более качественных проектов в абсолютном значении меньше, чем в Узбекистане и Казахстане, но на долю качественных проектов приходится больше. В Кыргызстане схожая ситуация — единственная разница в размере экономики и способности государства перераспределить достаточно ресурсов в этом направлении», — говорит инвестор.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Рах Silica или WAICO: сможет ли Казахстан усидеть на двух стульях в глобальной гонке ИИ

По словам Шамиля Ибрагимова для того, чтобы инновационное предпринимательство хорошо себя чувствовало, странам необходимо создавать правильную экосистему — когда государство, корпоративный сектор, академические институты, предприниматели и инвесторы правильно взаимодействуют друг с другом. А Павел Коктышев добавляет, что Центральной Азии также нужен рынок управляющих фондов.

«Роль управляющих не в том, чтобы просто дать деньги и забыть про них — с этим, в принципе, может справиться и государство. Нужно методично развивать портфель из года в год, вне зависимости от того, кто сегодня министр, и давать доходность инвесторам и инструмент для развития предпринимателям. С этим, к сожалению, у нас пока нужно еще многое делать», — говорит Коктышев.

Доверие как главная валюта

Есть еще один фактор — доверие к институтам и предсказуемость правил игры. Технологическая компания может строиться 10 или 15 лет. Инвестору важно понимать, что все это время права его собственности будут защищены, договоры продолжат работать, а правила ведения бизнеса не изменятся. Без этого более привлекательными становятся проекты, из которых капитал можно быстро вывести.

«В Кыргызстане, к сожалению, нет уверенности в том, что твой бизнес не отнимут. Очень много за последние два года мы видели, как просто приходили люди, тот же самый ГКНБ, и отбирал бизнес, который строился 30 лет. Ты вкладываешь

огромные деньги и потом у тебя нет никакой гарантии, ты не можешь никак защититься. И вот вся эта “**кустуризация** **i**” нам очень сильно подорвала саму динамику нашей экономики», — говорит Шамиль Ибрагимов

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Избирательное правосудие? Как в Центральной Азии обвиняемые в крупных хищениях уходят от тюрьмы

Что остается после роста

Экономики стран Центральной Азии действительно растут высокими темпами. Но цифра ВВП не отвечает на главный вопрос: что остается после этого роста? Новая технология? Компания, способная конкурировать на международном рынке? Инженеры и ученые, которым есть где работать? Или это просто дополнительные доходы, которые в любой момент могут исчезнуть вместе с изменением цен на сырье?

Настоящее развитие начинается не там, где продали побольше нефти, газа или золота по выгодной цене, а там, где появилось что-то новое — технология, продукт, способ решить конкретную проблему. Идеи в Центральной Азии есть. Вопрос в том, что происходит с ними дальше — востребованы ли они, доводят ли их до практической реализации и остаются ли они в самом регионе.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Токаев предложил Сеулу сформировать «портфель флагманских инвестиций» в Центральной Азии

This item is part of

Политика

Экономика

Общество

Казахстан

Центральная Азия

Кыргызстан

Таджикистан

Узбекистан

